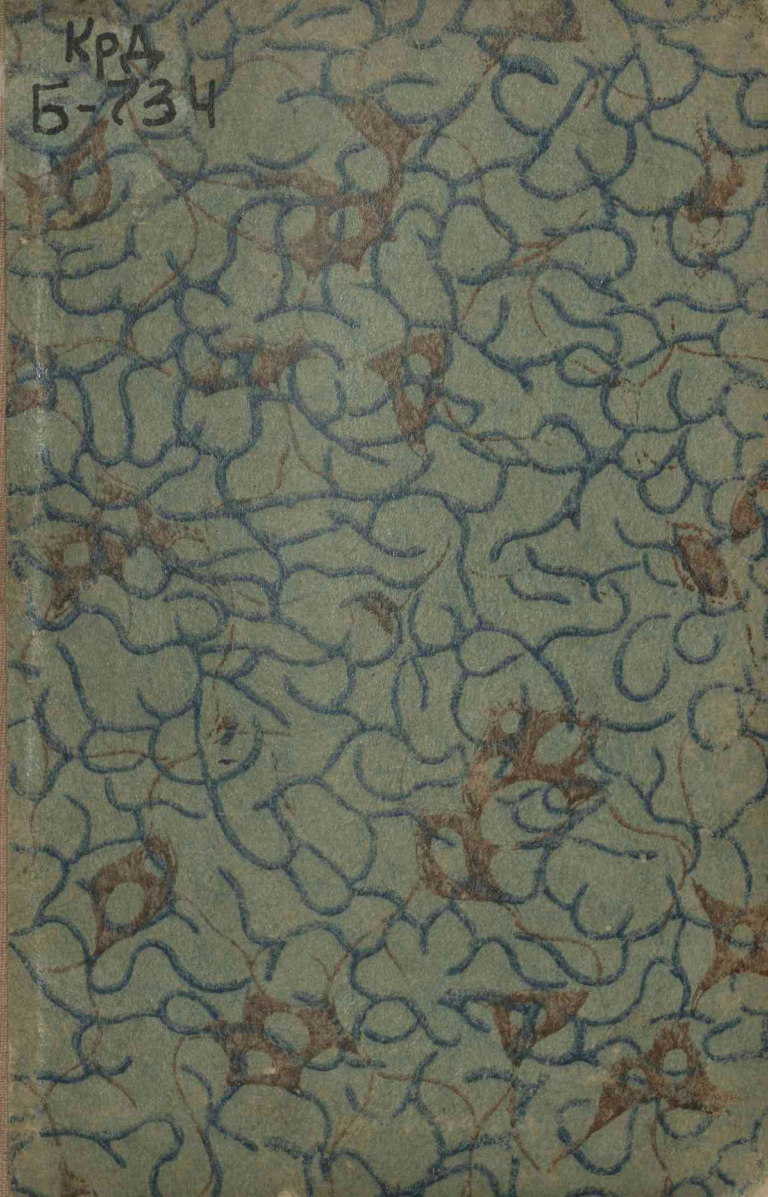

КрД
Б-734

Крп

18

yp.

01

Ник. БОГДАНОВ

Кр. № 5-734

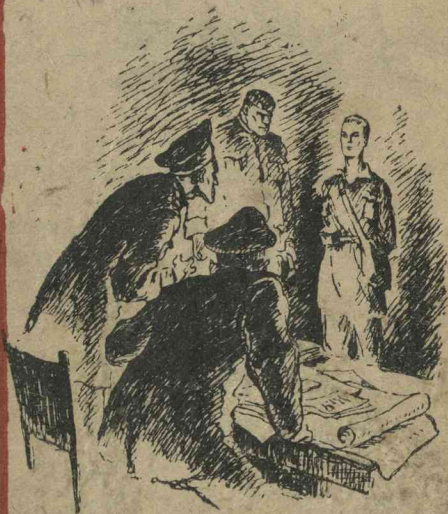
10-463

ЮРИЙ СМIRНОВ

ПРОВЕРЕНО
1954

~~78888~~

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1945

Герой Советского Союза
ЮРИЙ С МИРНОВ

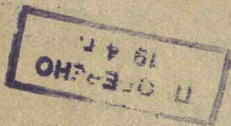
2

Б-724

10-163

КрД Б-734

10-163

1

~~1944~~
...Рано утром 25 июня 1944 года комсорг 2-го батальона 79-го гвардейского стрелкового полка Петр Алексеевич Кустов вместе с бойцами, прорвавшими оборону немцев севернее Орши, зашел в один из штабных блиндажей 78-й немецкой штурмовой дивизии. Здесь он обнаружил распятого гвардейца-комсомольца Смирнова. Тело советского бойца было положено на крестовину из двух досок, руки и ноги прибиты к ней большими гвоздями. Затем крестовина была приподнята и прислонена к стене.

На груди распятого виднелись глубокие раны, лицо было в кровоподтеках от ударов. В лоб, повыше глаз, были забиты два костыля.

М-131426
Немцы, руководившие распятием, как видно, сидели на двух стульях за большим столом. Они только что бежали. На столе в беспорядке валялись обрывки карт и бумаг, на стенах висели плакаты. Два портрета Гитлера смотрели друг на друга с тупым самодовольством.

На столе бойцы нашли комсомольский билет и красноармейскую книжку гвардии рядового 77-го гвардейского стрелкового полка Юрия Васильевича Смирнова.

Вокруг шел еще напряженный бой.

Составив акт о новом, неслыханном злодействе немцев, офицеры Кустов, Климов, Каримов, рядовые Конев и Какорин ушли вперед — гнать и громить врага.

Гвардии старшина Баинов остался. Он похоронил Смирнова, сняв его с креста, вблизи деревни Шалашино.

Невысокий могильный холм навсегда скрыл истерзанное тело одного из героев Великой отечественной войны, но его подвиг не был похоронен вместе с ним.

Многие подробности этого подвига нам еще не известны. Немцы, эти преступники, поднявшие из тьмы веков страшную пытку распятием, еще не пойманы, и мы не имеем их показаний. Но основное мы знаем. В глубине немецкого блиндажа, скрытого за семью накатами, в ночь на 25 июня произошел беспримерный поединок между советским молодым человеком и фашистскими палачами.

Гитлеровские псы, захватив раненого гвардейца, пытками и казнью хотели вырвать у него военную тайну. Смирнов победил в этой неравной борьбе — он умер, ничего не выдал.

Представляя его посмертно к званию Героя Советского Союза, командир полка, гвардии подполковник Лапчинский написал:

«Своей стойкостью и мужеством Смирнов содействовал успеху сражения, совершив тем самым один из высочайших подвигов солдатской доблести...»

2

На реке Унже, в городе Макарьеве, окруженном дремучими лесами, в семье лесного объездчика рос своенравный, озорной мальчишка — Юра Смирнов.

Озорство его было отчаянное: он мог промчаться во весь опор на неоседланной лошади, сидя для смеху за-

дом наперед, мог прокатиться на льдине во время бурного ледохода.

Больше всего на свете он любил лошадей. Из-за этого своего пристрастия он плохо учился и в конце концов бросил школу.

Он мечтал попасть в армию и обязательно стать кавалеристом. О том, что он будет делать потом, он пока не задумывался. Отцу хотелось, чтобы сын его был не простым объездчиком, а инженером или техником. Таким же было и желание матери. Мальчика отдали в школу трудовых резервов, где он окончил курс электросварки и получил специальность электросварщика третьего разряда.

Родители были довольны успехами сына. Они снарядили его в большой путь — на завод в город Горький.

Казалось бы, все шло хорошо, — путь Юрия как будто определился. Но не тут-то было: страсть к лошадям снова сбила его с пути. Мать узнала, к своему горю, что сын ее работает на заводе не у станка, а в конюшне, у лошадей, — устроился возчиком!

Пожаловаться отцу она не могла: Василий Аверьянович Смирнов был в это время на фронте — защищал Сталинград. Мария Федоровна написала сыну укоряющее письмо, но ответа не получила. Через некоторое время она узнала, что сын ее уже не возчик, а помощник и ученик шофера: ездит на машине.

«Что ж, — решила мать, — к его характеру это больше подходит: трудно мальчишке, выросшему на просторе, усидеть на месте». А Юра, подружившись тем временем с шофером, объездившим половину России, мечтал водить могучий грузовик по сказочному Чуйскому тракту, по тундре Магадана, по пескам Туркмении...

И вдруг семью постигло тяжкое горе: было получено извещение о смерти отца. Лесной объездчик Василий Смирнов пал смертью героя, защищая город Сталина

от натиска немецких полчищ. Не успели высохнуть слезы матери и сестер, как пришло новое известие: Юрий — в армии. Так он ответил на гибель отца: он решил отомстить немцам!

И не знала мать — горевать ей или радоваться поступку сына. Ведь один он у нее!.. Мог бы, наверное, остаться на заводе, — разве нельзя трудом помочь победе над немцем? Но не таков Юра: горячее у него сердце, хочет он своей рукой отомстить за отца.

С бьющимся сердцем слушает она письмо сына, которое читают и перечитывают ей дочери Люся и Тося:

«...Узнал о гибели папы. Мама, я тебя очень прошу — не расстраивай своего здоровья: ведь у тебя больное сердце. Что ж сделаешь, — ведь жизни не прикажешь! Я тоже вначале сильно переживал его смерть и даже унывать стал, но потом понял, что этим ничему не поможешь. Думаю, как бы скорее попасть на фронт, бить немцев, отомстить за папу. Еще раз прошу тебя, мама, не отчаивайся...»

...Темны осенние ночи над Унжей. Медленно падает первый снег в ее свинцовую воду. Давно улетели все птицы на юг. Улетела и радость из дома № 32 по Кладбищенской улице. Мать все думает думу о своем сыне; старшая дочь Тося, нянча ребенка, — о своем муже; Люся ходит в санитарный кружок и также поглощена мыслями о войне.

Война далека от городка Макарьева, но и здесь тяжелым гнетом лежит она на каждом сердце, и живет городок только одним: помощью фронту, помощью победе.

И каждая весть от сыновей, мужей — от честных русских воинов — ожидается здесь с нетерпением.

«Как-то мой там?» думает Мария Федоровна. И сердце ее болит не только за его жизнь, — томит ее и другая дума: «Как-то он сражается с врагом? Вы-

держит ли он в грозном бою? Не согнется ли перед вражьей силой?» Каждой матери дорога не только жизнь, но и честь сына. Уж очень юным, неустоявшимся пошел ее Юра в армию. Неровный у него характер, беспокойное сердце. Как-то он выдержит строгости службы? Не споткнется ли на трудном воинском пути?

3

Воинский свой путь Смирнов начал зимой 1943 года. Первое боевое крещение получил под Витебском.

Это был суровый поход.

Мороз. Иней на деревьях. Садится малиново-красное солнце. А вчера еще была оттепель, и солдаты сушат у костров мокрые, оледенелые валенки.

Войска вошли в «зону пустыни», созданную отступающими немцами. Ни одного дома, ни одного сарая, — все сожжено дотла. Кое-где в снежных норах ютятся уцелевшие жители. Обогреться негде. Солдаты живут и спят на морозе, у костров, подостлав солому, окружив костры еловыми ветками, воткнутыми в снег.

Но не унывает русский солдат! У костров — и шутки, и смех, и разливы гармошки.

Вот и сейчас у большого костра играет гармонист в серой шинели, перебирая красными пальцами заиндевелые, ледяные лады. А другой молоденький солдатик, ротный артист, поставив к огню валенки, босиком отплясывает русскую, потешая старых солдат. Это Юра Смирнов.

Два пленных немца, закутанные по-бабьему, с сосульками под носами, смотрят на эту картину с удивлением. Они и шевельнуться-то боятся в этой стуже и вот-вот замерзнут, сидя без движения, «экономя силы». Непонятен им грозный и веселый русский солдат, которого не смущает ни стужа, ни «зона пустыни».

Решили вскипятить чай. Усатый солдат только звякнул котелком, как танцор мигом всунул босые ноги в валенки. Нет, он не позволит старшим итти в овраг к ручью.

— Разрешите, я сбегаю, — обратился он к отделенному и, набрав полны руки котелков, резво скатился с горы.

— Уважительный паренек, — улыбнулся усач, довольный этой услугой молодого солдата.

К костру подошел комсорг батальона.

— Где Смирнов?

— Вон он, с котелками идет.

В костер подброшен хворост. Огонь горит жарче. Надо поспеть дотемна вскипятить чайку — ночью костры будут потушены, и часть выступит в поход.

Комсорг подходит к Смирнову. Он давно присматривался к этому живому и веселому солдату, самому молодому в роте. Несмотря на молодость, все уважали Смирнова за веселый нрав, подтянутость, хорошую дисциплину. Никто бы не узнал в нем теперь озорного мальчишку из Макарьева. Даже матери не верилось, что он так переменялся. И она удивленно качала головой, читая его письма:

«Мама, ты в своем письме была права относительно учебы и дисциплины. Теперь сам понимаю, что зря бросил школу, а с дисциплиной мне и в армии очень трудно — приходится себя ломать. Но я думаю, все к лучшему. В армии я научился выдержке и вижу, что в Макарьеве делал многое неверно, часто зря грубил тебе и обижал зря. Больше этого не будет...»

Попав в армию, Юрий осуществлял свою мечту: пойти на фронт и отомстить немцам за гибель отца. Это стало главным делом его жизни, и этому делу он теперь отдавал все свои силы и способности.

Он никогда не жаловался на трудности солдатской службы и, каким бы ни был усталым, приказы старших

выполнял быстро, охотно, с веселым лицом. Признаться, комсорг батальона, гвардии старшина Шмырев был очень удивлен, узнав, что Юрий Смирнов еще не комсомолец. На эту тему он и пришел поговорить с молодым солдатом. На его предложение вступить в комсомол Смирнов ответил смущенно:

— Я еще не был в бою... Вот испытаю себя, каков я солдат на деле, тогда и подам заявление.

Эта скромность понравилась Шмыреву. Он решил повстречаться со Смирновым после первого же боя и записал об этом в свою записную книжку.

Проверка боем не заставила себя ждать. На следующую же ночь батальон выходил на исходный рубеж для атаки. В полной тишине, стараясь не греметь оружием и не кашлять, бойцы заняли вырытые в снегу окопы. В предутреннем седом тумане вдруг возникли черно-красные радуги и, ломая напряженную тишину, раздался лязг и скрежет гвардейских минометов. Следом за ними ударила артиллерия. Началась подготовка прорыва под Городком.

На молодых солдат могучий огонь своей артиллерии всегда действует возбуждающе. Они не могут усидеть на месте. Лезут на бруствер окопа, следят за разрывами снарядов и мин на вражьей стороне и радостно кричат, когда в воздух летят бревна вражеских блиндажей или скелеты пулеметов.

Молодым фронтовикам кажется, что таким ураганом огня враг должен быть сметен, полностью уничтожен. Они готовы сейчас же бежать в полный рост к вражеским укреплениям, уверенные, что не встретят серьезного отпора. Но бывалые солдаты знают, что где-то в лисьих норах, в дзотах, под бронеколпаками всегда уцелеют недобитые враги и с ними придется сразиться.

Они учат молодых, как себя вести в бою, и лучшим слушателем их всегда бывал Смирнов. Умерла самона-

деянность молодости: он внимательно слушал советы бывалых солдат и во время атаки старался подражать им.

Первой траншеей овладели быстро. Кое-кто задержался во вражеских блиндажах, но Смирнов бросился вперед, помня, что первая траншея — это ловушка: она пристреляна, и по ней немцы всегда могут крепко ударить.

«В атаке не задерживайся, иди вперед и вперед, — тогда ты и от снарядов ушел, и от мин ушел, и до немца дошел! А уж тут, кто храбр — тот и хозяин!» помнил он слова командира батальона.

А все-таки, как ударили немецкие шестиствольные минометы, многие растерялись. Стали ложиться в кур-ннике.

— Вперед! Вперед! — крикнул Смирнов. — Здесь нас зря побьют!

Он бы и выскочил вперед, но задержался, поднимая других, и угодил под разрывы мин. Осколок мины попал ему в левый угол рта и вышиб зубы. Смирнов споткнулся, кровь брызнула на снег, но, видя, что молодые солдаты следят за ним, равняются по нему, Смирнов крепко зажал рану рукавом шинели и побегал вперед, призывая товарищей следовать за собой взмахами правой руки, сжимающей автомат.

Впереди было меньше разрывов, и товарищи, преодолев испуг, поднялись со снега и догнали Смирнова. Только тут, выведя всех из-под обстрела, он опустился в первую попавшуюся воронку и подозвал санитаря.

Смирнова отправили в госпиталь. Здесь соседом по койке оказался его отделенный командир Михаил Степанов.

— И ты здесь, друг? Видел тебя в бою, правильно шел. Еще бы тебе шагов полсотни вперед, и тебя бы не зацепило!

Смирнову стало неловко; получалось, что он ранен

словно бы по своей ошибке. Но Степанов тут же добавил:

— Сам бы ты ушел — других бы побил. Ты правильно поступил, что их поднял. Действовал, как положено!

Смирнов успокоился. Только в сердце горела досада, что он так быстро выбыл из строя, не успев убить ни одного немца в своем первом бою. Утешал он себя тем, что этот бой — не последний.

Из госпиталя он послал матери коротенькое письмо.

«Пишу из госпиталя. Я был ранен в верхнюю челюсть. Ранение легкое. Скоро вылечусь — и снова на фронт. Скорее хочется попасть в свою часть, — она теперь мой второй дом. Ты за меня не тревожься — я служу хорошо, выполняю все приказы.

Юрий».

В самом начале весны Смирнов поправился. Доктор предложил ему вставить зубы.

— Что вы, товарищ доктор! Кто же зубы вставляет перед дракой? Могут опять выбить! Уж я вас попрошу вставить мне зубы после войны.

Смирнову не терпелось попасть в свою часть и не пропустить начала наступления, слухи о котором носились в госпитале.

Когда, вернувшись в свою часть, он встретился со Шмыревым, он сказал:

— Подаю заявление в комсомол.

Комсорг уже знал об его отличном поведении в бою и с удовольствием принял заявление.

4

Тревожно и в то же время радостно было матери думать, что сын ее, попав в армию, стал хорошим солдатом. С волнением читала она и перечитывала каждую весточку, присланную им с фронта.

Когда на Унже начался ледоход, который так любил Юрий, от него пришло новое коротенькое письмо.

«Здравствуйте, мама и Люся!»

Шлю вам свой фронтовой привет, желаю здоровья и всяческого благополучия. Первым долгом поздравляю вас с праздником 1 Мая и желаю вам справиться этот большой праздник, как раньше, когда вся наша семья была вместе. О себе особенно писать нечего, а о вас хотелось бы узнать побольше. Я сейчас нахожусь на отдыхе, за тридцать километров от передовой. Жив, здоров, настроение бодрое. Вам того желаю и шлю привет всем родным и знакомым».

Здесь Юрий скромничал и в то же время соблюдал военную тайну: он был не на отдыхе, а занимался в лесном лагере напряженной учебой. Часть готовилась к прорыву немецких укреплений в Белоруссии, и боевая тренировка шла день и ночь.

Гвардейцы генерала Галицкого тренировались специально для прорыва. Они учились преодолевать минные поля, проволочные заграждения, врываться в блиндажи, в окопы, быстро проходить их и достигать с одного броска вражеских артиллерийских позиций. С каждым днем крепла у бойцов уверенность в своем уменье. Ждали приказа выступать.

Пришел день, когда всех молодых солдат привели к присяге. В торжественной обстановке им были вручены гвардейские знаки. На фоне свежей весенней листвы торжественно блестели серебряные трубы оркестра, развевалось гвардейское шелковое знамя. Настроение у всех было приподнятое.

«Торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну...» раздавались в лесу волнующие слова, произносимые многими голосами.

Смирнов принимал присягу еще зимой. Теперь ему был вручен гвардейский знак, который он не без вол-

нения прикрепил к своей груди. Он гордился, что стал гвардейцем, — пусть не кавалеристом, как мечтал когда-то, а пехотинцем. Пехота — основа армии, а гвардия — ее передовой отряд.

Ночами по лесам и проселкам совершила свой потайный марш гвардейская пехота генерала Галицкого и скрытно подготовилась для штурма немецких укреплений севернее Орши. Каждую ночь на позиции выдвигалась артиллерия. Огромные пушки со сказочной быстротой зарывались ночью в землю и к рассвету становились не видимыми врагу.

Немцы так и не заметили, что перед ними сосредоточилась грозная армия прорыва, сумевшая выставить до двухсот пятидесяти орудийных и минометных стволов на километр.

Все было приготовлено, даже команды для конвоирования пленных. Пушки, дремлющие в тени маскировочных сетей, только ждали приказа, чтобы обрушиться на позиции врагов тысячи снарядов. Каждое орудие имело свою цель, и каждый наводчик знал, какой дзот он должен разрушить, какую огневую точку разбить.

Наготове стояли сотни самолетов. Каждый летчик имел на фотопланшете заснятые разведкой укрепления немцев и знал, где он должен спикировать на окопы и блиндажи, где сбросить бомбы на вражескую артиллерию.

Приготовилась и пехота. Каждый проверил оружие, подогнал снаряжение, надел чистое белье. Почти все написали письма домой.

Сидя в шалашике из ветвей, в лесу, наполненном неясным шорохом тысяч людей, Юрий Смирнов карандашом на клочке серой бумаги писал письмо матери:

«Много пришлось мне увидеть и пережить на фронте. Говорил с жителями, которые были под немцами, видел разоренные селения.

Жители здесь рассказывают страшное о немцах.

У всех нас теперь одно желание — поскорее бы в бой, поскорее бы посчитаться с немчурой за все издевательство над русскими...»

Здесь, в лесу, накануне боя, прочел Юрий книгу Николая Островского «Как закалялась сталь». Она не случайно попала к нему. Молодой солдат прекрасно вел себя на марше и получил за это заветную книжку от самого командира роты, Вячеслава Зеленюка. Гвардии старший лейтенант Зеленюк был земляком Николая Островского. Он никогда не расставался с его книгами и давал их читать отличившимся бойцам в награду.

Зеленюк заметил ревностное отношение к службе Смирнова, не раз говорил с ним по душам и очень огорчился, узнав, что Юрий не читал Островского.

О Павле Корчагине Смирнов, оказывается, знал только понаслышке от сверстников в школе, от товарищей по работе. Получив книгу от очередного читателя, Зеленюк вручил ее Смирнову.

И вот книга прочитана. Задумчиво смотрит Смирнов в чащу леса, представляя себе Павку, как живого. «Вот дожил бы он до наших дней, — думает Юрий, — как хорошо было бы встретиться с ним, дружить и воевать вместе!..»

Юрий оглядывает своих товарищей. Разве он обижен дружбой? Разве нет у него душевных друзей? Вот Миша Степанов, его отделенный, с которым вместе выводил он роту из-под минометного обстрела под Витебском, с которым вместе лежал в госпитале.

Он подходит к Степанову и, обняв за плечи, говорит: — Миша, дадим друг другу клятву — дружить до самой смерти!..

А вечером полк получает приказ выйти на исходный рубеж для атаки.

Накинув на плечи плащ-палатку, окутав фуражку зеленой сеткой от комаров, Зеленюк повел свою роту по кустам и лощинам к передовой.

Солдаты шли гуськом, с любопытством присматриваясь к тому, что творилось вокруг в ночной полутьме. С каждым шагом настроение их повышалось, — шутка ли, сколько техники готовится их поддержать! Вот выглядывают из земли слоноподобные «системы», как зовут их артиллеристы, — орудия большой мощности. Вот бесконечные ряды ящиков, из которых полетят в немцев громадные головастые мины, те самые, про которые немцы говорят, что «Русь сараями стреляет». Вот «Катюши» мягко подъезжают на резиновых шинах...

Ближе к позициям идут орудия меньшего калибра, их еще больше. А минометные батареи рассыпаны, как грибы в урожайное лето, — на каждом шагу, под каждым кустом.

Даже бывалые пехотинцы не видывали такого скопления нашей техники.

— Прорвем! Что бы там ни было у немца, все равно прорвем!

С таким настроением залегли пехотинцы в свежий окоп, из которого должна была начаться атака.

5

Центр немецкой обороны, которую готовились прорвать гвардейцы генерала Галицкого, занимала 78-я штурмовая дивизия немцев под командованием генерал-лейтенанта Траута. Она имела свою особую историю, а у гвардейцев были с ней особые счеты, как со старой знакомой: эту дивизию гвардейцы били год тому назад под Жиздрой.

Потрепанная, но недобитая, она доползла до Орши и закрепилась на выгодных рубежах, у знаменитых Осиновских болот, там, где они подходят к автомагистрали Москва—Минск. Не испытывая пока серьезных

ударов, дивизия задержалась дольше других на русской земле, за что и попала в честь к Гитлеру.

Ее командир Траут был вызван в ставку фюрера, осыпан милостями и наградами и дал слово Гитлеру: удержать во что бы то ни стало свой «бастион», прикрывающий ворота в Белоруссию.

Фашистские писаки разрекламировали дивизию как самую стойкую среди прочих немецких частей, а ее оборону как самую неприступную. Впрочем, действительно, за время своего сиденья под Оршей дивизия, как паук, оплела всю местность паутиной колючей проволоки, нарыла семнадцать линий траншей, построила хитроумную систему дотов и дзотов. В сочетании с маневренными группами подвижной и самоходной артиллерии, приданной в большом количестве дивизии, ее укрепления представляли собой большую силу. В систему траншей были вкраплены бронеколпаки «лошадиный череп», отрыты бесчисленные хитроумные «лисьи норы» для пулеметчиков и автоматчиков. В высокой насыпи автомагистрали были приготовлены ниши, из которых могли вести огонь десятиствольные минометы, передвигаясь в любом направлении по шоссе, пролежавшему позади всех позиций.

Таким образом, Траут имел в своем распоряжении сильный огневой кулак, при помощи которого он надеялся отразить просочившиеся в его оборону наши части. Он заранее хвалился, что уничтожит всех русских, сколько бы их против него ни послали.

У этого хвастливого генерала, делавшего быструю карьеру при фашистском дворе, было все рассчитано, все продумано. С холодной методической жесткостью проводил он постоянные карательные экспедиции против партизан, уничтожая мирных жителей. Чтобы его солдаты не застоялись, он поддерживал в них злобное остервенение, уча их поджигать деревни, расстрели-

вать и вешать беззащитных стариков, женщин и детей.

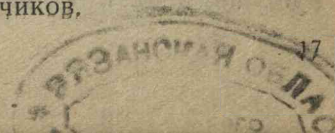
Стараясь устрашить наших бойцов свирепостью своих солдат, офицеры 78-й штурмовой дивизии выкрадывали трупы красноармейцев и, разрубив их на куски, подбрасывали в расположение наших частей. Этим они пытались в то же время поддержать стойкость своих солдат, внушая, что им придется драться до конца, так как за такие зверства им пощады не будет.

Но ничто не помогло, — в первые же часы грозного штурма оборона фашистской дивизии затрещала по всем швам. Наш могучий удар застиг немцев врасплох. Ураган артиллерийского огня вымел из окопов не только немецких солдат и офицеров, — была разметана, порвана в клочья связь между частями и штабом. Потеряв управление войсками, Траут сразу струсил и растерялся. По отрывочным сведениям он понял, что советская пехота уже вклинилась в его оборону, что по непроходимым Осиновским болотам уже обходят его большие массы советских войск с танками и артиллерией. Но, запрятавшись в глубокие блиндажи, его штабисты не могли точно разобраться в обстановке. И мощные артиллерийские кулаки, имевшиеся еще в распоряжении Траута, молотили по пустому месту. Особенно растерялись немцы, когда ночью мимо их штабных блиндажей прорвались на запад советские танки. Сколько их? Куда они пошли?..

Немецкие вояки так растерялись, что стали запрашивать у высшего командования о своем собственном положении!

Солдаты 78-й штурмовой дивизии все еще держались, бешено цепляясь за свои укрепления. Но кризис боя уже назревал.

И тогда на командный пункт дивизии были брошены наши танки с группой автоматчиков,

Вернемся к глубокому свежему окопу, где залегла 1-я рота 1-го батальона 77-го гвардейского пехотного полка, в которой был Юрий Смирнов.

Другие роты уже пошли в бой, а 1-ю роту командир батальона придерживал при себе для развития успеха. Рота уже не лежала в сыром глиняном рву, — привстав на бруствер, ее бойцы смотрели вперед, пытаясь в дыму и пламени разглядеть ход боя.

Несмотря на страшный ураган нашего огня и грозные удары авиации, немцы все еще сопротивлялись. Наша пехота, шедшая вначале во весь рост, теперь залегла и во многих местах продвигалась вперед ползком.

По шоссе подошла немецкая самоходная артиллерия и десятиствольные минометы. Целые площади земли то здесь, то там покрывались черными вихрями разрывов вражеских снарядов и мин. Немцы стреляли не точно, словно вслепую, но все же потери наших войск росли.

«Неужели не прорвем с ходу? Неужели сражение затянется?» — так думал, волнуясь, каждый боец; так думал и Юрий Смирнов. Ему хотелось сейчас же самому отправиться вперед, вон к тому кладбищу, которое нужно занять, а пехота наша почему-то залегла. И ему казалось, будь он сейчас там, поднял бы он бойцов, первым бы ворвался на кладбище.

Над его нетерпением и горячностью подшучивает его друг — отделенный командир Степанов. Он берет на минутку бинокль у командира роты Зеленюка, который спокойно завтракает, и молодой солдат видит, как по болотам, в обход немецких укреплений, движутся непрерывной вереницей наши танки.

Немцы не видят их: слева танки закрыты кустами, растущими вдоль осушительных канав, но с нашей сто-

роны все видно. Смирнову радостно: ему теперь понятен наш громадный маневр, который — дай только срок — сокрушит немецкую оборону.

Но рота так и просидела на старом месте до вечера, и Смирнов совсем заскучал. Вдруг он услышал, что набирают людей в танковый десант. Нивесть как бойцам стало известно, что готовится дерзкий ночной бросок танков прямо на немецкие командные блиндажи и что десантники должны будут уничтожить в ночной темноте немецкие штабы и рации, а танки пойдут дальше громить вражеские тылы.

Бойцы вызывались наперебой. Вызвался и Юрий Смирнов.

Но, видно, его молодость смутила командира роты Зеленюка. Старший лейтенант решил его оставить при взводе управления.

— Товарищ командир, но ведь Павел Корчагин тоже попросился бы в этот десант! — взмолился Смирнов.

Земляк Николая Островского улыбнулся... и разрешил молодому солдату принять участие в танковом десанте.

Смирнов обрадовался этому, как радовался в детстве, когда взрослые брали его на ночную рыбную ловлю. Он засуетился, стал набирать в запас автоматные диски, у кого-то хотел сменить нож. Потом задумался и сказал Степанову:

— На всякий случай, Миша, давай попрощаемся!

Они обнялись и крепко поцеловались. Раздался сигнал. Десантники разместились на броне, и танки тронулись. Охраняя их путь, снова забушевал наш отвлекающий артиллерийский огонь...

...Это был грозный ночной бой внутри немецкой обороны. Не зажигая фар, в кромешной тьме, наощупь наши танки утюжили немецкие траншеи, давили блиндажи, обрушивались на артиллерию. Когда танк заго-

рался, другие обходили его, чтобы не попасть в багровый круг света, и продолжали свое дело.

На гусеницы намоталась колючая проволока, сзади тянулись оборванные провода, у днища застряли обломки колес и лафетов. На броне виднелись следы осколков и крови. Такими вышли танки к рассвету на магистраль Москва—Минск. Ни одного автоматчика на них уже не было. Что же случилось с ними? Какова судьба этих беззаветных героев?

В положенное время командир роты Зеленюк подал команду:

— Прыгай!

Бойцы спрыгнули на землю и выждали, пока не прошли танки, опасные во тьме и для своих.

— Смирнов, Степанов, Прошин, ко мне! — позвал Зеленюк.

Собрались все, кроме Смирнова. Куда он девался? Сбит ли вражеской пулей, или сорвался на крутом повороте — размышлять было некогда: штурмовая группа начала действовать. Страшна битва в ночной темноте! Неожиданные встречи лицом к лицу. Испуганный вскрик, удар кинжала, снап автоматного огня, взрыв гранаты — и снова неясный шорох ползущих по земле.

Вражеские блиндажи десантники находили по случайной полоске света, пробившейся в щель, по нитям проводов, попавших под руку. Рывок за скобку, бросок противотанковой гранаты. Глухой подземный взрыв. Заячий крик раненых немецких штабистов — и снова дробь автоматов.

Зеленюк наступил на мину. Блеснула вспышка света, и бойцов отбросило в разные стороны.

— Кончено, — сквозь зубы простонал Зеленюк, — оставьте меня.

У него были оторваны обе ноги, ранена грудь.

Товарищи наощупь затагнули бинтами страшные раны, перевязали кровоточащую грудь. Командир-комсомолец Вячеслав Зеленюк умирал.

— Положите под голову пистолет... Идите делайте свое дело, — сказал он. — Книжку передайте Смирнову!

Это был сборник речей и писем Николая Островского, с которым Зеленюк не расставался никогда.

Сердца его бойцов разрывались от горя, но бой не ждал, и они выполнили последний приказ командира: всю ночь штурмовые группы ножами, автоматами и гранатами вспарывалаи немецкую оборону изнутри. А наутро, после нового нажима с фронта, немцы побежали.

Пехотные части устремились преследовать врага.

Усталые, потные, грязные, вышли бойцы 1-й роты на автомагистраль и увидели незабываемую картину.

Вперед, на запад, сверкая, как широкая река, уходила голубая линия асфальта. А по ней, в несколько рядов, мчались на запад танки, самоходки, грузовики с прицепами пушками, пехота на машинах и на повозках, запряженных трофейными конями.

Весь этот неудержимый поток с грохотом несся вперед, мимо разбитых вражеских танков, машин и трупов немецких солдат, валявшихся в кюветах.

Кончилось бездорожье, трясины и тряские гати, — войска оседлали магистраль, ведущую прямо на запад.

7

Что же произошло с Юрием Смирновым в ночь прорыва?

Перед нашими глазами встает следующая картина. Вместе с другими Смирнов сидит на танке, плотно прижавшись к броне. Машину бросает на рытвинах, окопах и воронках от снарядов, как корабль по волнам во время бури. Но Смирнов держится цепко. Мальчишка, привыкший скакать на неоседланных лошадях, лазить

по высоким деревьям, прыгать с льдины на льдину в половодье, не свалится с танка!

Под гусеницами слышен скрип и скрежет. С визгом задевают броню пули и осколки. Снопы трассирующих пуль и раскаленные термитные снаряды проносятся мимо, опалая жаром лица десантников. Смерть грозит им со всех сторон. Каждый думает: «Только бы уцелеть, только бы прорваться в глубь обороны, а уж там мы им покажем!..»

Юрию Смирнову не везет: шальная пуля сбивает его с танка, и он летит вниз, в тьму, в бездну, теряя сознание... Неужели все кончено? Нет, это не конец. С трудом он приходит в себя и видит вокруг ненавистных ему немцев в мундирах серо-мышинного цвета. Он — в плену: раненый, бессильный, безоружный — один в толпе врагов,

Немцы захватили его и притащили в штабной блиндаж в самый критический для себя момент. Этот солдат, упавший с танка, — находка. У него можно будет кое-что узнать: куда прошли танки, много ли их?

Пусть солдат не знает всего, — по одной детали опытный офицер разведки может нащупать нить операции, разгадать замысел атаки.

И немецкие штабисты приступили к допросу. Но солдат упрям и дерзок. Он не хочет служить врагам «языком». Он давал присягу, поклялся свято хранить военную тайну и не говорит врагам ни слова.

Вокруг гремит страшный бой. Совсем близко грохочут танки. В окопы ворвалась русская пехота. Немцы торопятся. Их лихорадит. Они едва скрывают свой страх. Перед ними стоит этот непреклонный солдат, дерзкий и смелый.

Немцы хотят выместить на нем всю свою злобу к русским, а главное — сломить его волю, хоть на час восторжествовать над ним!

Сколачивается крест. Сначала угроза распятием, затем пытка. Вот он уже висит на кресте, но он еще жив, он может остаться жив. Если он все скажет, его снимут с креста. В конце концов его могут просто убить, а не мучить.

Но молодой воин выдерживает и эту пытку.

Его стойкость бросает врагов в дрожь. Они разглядывают его комсомольский билет. Силуэт Ленина на обложке, который Юрий видит, укрепляет его мужество. Вот они читают его красноармейскую книжку, где записан адрес его матери. Но имя матери может только вдохнуть в него новые силы.

Его тело режут ножами. Его бьют по лицу, — он не сдается. Один на один, бесстрашно и мужественно ведет он свой последний смертный бой с врагами. Ему не повезло. Приходится умирать. Так пусть же видят враги, как умирает советский гвардеец!

Так ничего и не добившись от Смирнова, палачи вбивают ему в лоб два стальных костыля.

Он остается во вражеском блиндаже, а они бегут из него, — значит, он победитель. Враги исчезли, рассеявшись, как тьма, побежденная светом.

Бывают замечательные подвиги, совершенные на виду у всех, когда боец поднимает в атаку роту, водружает красное знамя на отвоеванной высоте, переплывает первым реку под огнем врага или закрывает своим сердцем амбразуру вражеского дзота. В этих случаях человек поднимается словно на крыльях перед лицом своих товарищей.

Тяжелый подвиг выпал на долю девятнадцатилетнего комсомольца Юрия Смирнова.

Один, без друзей и свидетелей, опираясь только на силу своего гордого духа, вступил он в поединок с толпой врагов и вышел из него с честью и славой.

Весть о мученической смерти Смирнова принес в батальон комсорг полка, гвардии старший лейтенант Керим Ахмеджанов. Он прочитал бойцам акт, составленный свидетелями гибели Смирнова. Много чудовищных преступлений совершили немцы! Много следов их кровавых зверств видели бойцы своими глазами, но такого еще не видели!

Казнь солдата за верность присяге! Подвергнуть его страшным пыткам за соблюдение чести своего гвардейского звания! Надругаться над его доблестью, стойкостью и геройством — над всем, что уважалось всегда, во все времена, — могли только немцы, эти палачи и бандиты без чести и совести.

Памятью погибшего товарища поклялись бойцы гвардейского батальона мстить немецким извергам беспощадно, а в особенности мстить бандитам 78-й штурмовой дивизии, уничтожать этих бешеных собак в рукопашных схватках, чтобы видеть их гибель своими глазами.

Командир 1-го отделения, гвардии сержант Михаил Степанов, которому передали книжку Николая Островского, завещанную Зелениюком Смирнову, хранил ее, как священную реликвию. По традиции ее давали читать тому, кто особенно отличился в бою.

В этот день гвардейцы 1-й роты отбили себе подошвы, пройдя по асфальту шоссе сорок километров. Казалось, стоит остановиться — и упадешь: усталость свалит с ног, и тяжелый сон закроет веки. В это самое время был получен приказ: развернуться, сбить и уничтожить преградивший дорогу немецкий заслон.

Впереди грохотали и клубились, как грозовая завеса, разрывы снарядов немецкой артиллерии. У взорванного моста через лесную реку горели два наших танка — два зловещих багровых столба дыма поднимались в предвечернее тихое небо.

Сняв шлем и приглаживая рукой слипшиеся от пота кудрявые волосы, командир танковой части говорил пехотному генералу:

— Нам столкнуть с ходу не удалось, теперь вы выручайте пехотой-матушкой!

И, поглядывая на усталых, почерневших от пыли и пота пехотинцев, медленно сворачивающих с асфальта в лесные дебри, думал: «Дело затянется!..» А приказ звал танкистов к рассвету в Борисов.

Тяжко идти в бой после марша в сорок километров. Но солдаты понимали свой маневр.

— Вот он уперся, а мы его обойдем! Он бьет по дороге, а мы в обход! — говорил старшина Петр Прошин, подбадривая и себя и других. Полюбили солдаты это слово «обход»! Оно словно ключом открывало все немецкие замки и заслоны, запиравшие путь на запад.

Вот и сейчас немцы думали, что, остановив наши танки, они будут иметь передышку, по крайности, на сутки. Никак не ждали они, что пехота прилетит словно на крыльях. Немецкая артиллерия работала с малым пехотным прикрытием. Замаскированные на склонах овражков и на опушках леса, стояли длинноствольные противотанковые пушки для стрельбы прямой наводкой. Батареи дальнобойных орудий чувствовали себя спокойно за их защитой, но неожиданно-негаданно становились добычей нашей стремительной крылатой пехоты.

Пехотинцы любили врываться на позиции своих самых ненавистных и самых, казалось бы, недостижимых врагов — вражеских артиллеристов. Когда первая рота увидела между тонких осинок толстые стволы немецких гаубиц, она забыла про всю усталость и шаг сменила на бег. Гвардейцы ворвались на батарею, как дьяволы, грязные, потные, с налитыми кровью глазами, тяжело дыша. Раздался грозный крик «ура». И началась беспощадная рукопашная — радость русских пехотинцев.

Немецкая артиллерия смолкла неожиданно, словно чем-то подавилась. Саперы быстро навели мост, и танки снова пошли вперед. Пехотный генерал на своем юрком «виллисе» поехал посмотреть, какая же из его рот первой достигла артиллерийских позиций. На обратном скате холма, среди молодых осин, он увидел незабываемую картину: среди брустверов и расстрелянных гильз, на почерневшей траве и на лафетах орудий — везде валялись трупы немецких артиллеристов. Их мертвые лица были искажены гримасой ужаса. Это все были гитлеровцы, уничтоженные в рукопашной. Среди них лежал и наш убитый.

Над ним, перевязывая рану, сидел боец, видимо, закрывший покойнику веки и сложивший на груди его руки, потрудившиеся здесь немало.

— Какой роты? — спросил генерал, обнажив голову перед мертвым солдатом.

— Из первой роты первого батальона семьдесят седьмого гвардейского полка, — ответил раненый и, видя, что генерал не может оторвать глаз от побоища, добавил в пояснение: — У нас немцы товарища на кресте распяли, — вот за него мы и постарались!

Жажда мести гнала первую роту вперед и вперед. Бойцы стремились догнать врага, навязать ему рукопашную, схватиться в штыки. И ужас перед русским солдатом-мстителем все больше охватывал отступающих немецких захватчиков.

Не только разбитые и потрепанные, но и свежие немецкие войска, спешно подвезенные из глубины Германии, не выдерживали встречи с солдатами-мстителями лицом к лицу даже тогда, когда намного превосходили русских численностью.

После ряда боев, пройдя около пятисот километров, первая рота вышла к Неману. Ряды ее поредели, но силы не убавились. Каждый дрался за двоих, за троих.

На пути к Неману рота встретила немецкий заслон. Свеженькие, чистенькие солдаты немецкой 196-й пехотной дивизии, только что прибывшие из Норвегии, где они бездельничали три года, сошли с машин и преградили шоссе.

Немцев было гораздо больше, но гвардейцы не почитались с этим. Произошел короткий бой.

С первого же выстрела бронебойщик Алексей Лексин поджег немецкий бронетранспортер. Пулеметчик Наумов, забежав с фланга, ударил длинной очередью и отогнал немцев от автомашин. Две машины загорелись от его пуль. Немецкие солдаты начали разбегаться. Офицеры пытались остановить их. Группа ефрейторов и офицеров, видя, что наших бойцов немного, приняла рукопашную. На гвардии сержанта Михаила Степанова, командира первого отделения, в котором служил Смирнов, бросился рослый немец-офицер с винтовкой в руках. И вот скрестились два штыка: плоский — немецкий, и наш — трехгранный. Некоторое время противники топтались на месте. Немец был опытным фехтовальщиком, и Степанов долгое время никак не мог сладить с ним.

Наконец, ринувшись вперед, Степанов пронзил немца штыком насквозь. Двух офицеров заколол Петр Прошин. Другие бойцы прикладами разбили немало немецких голов. Не выдержав натиска, немцы побежали. Они сбрасывали каски, снимали противогазы, наконец бросили оружие. Ничто не помогало. У самой реки гвардейцы настигли их. Кого перекололи, кого взяли в плен. Несколько сумевших убежать немцев в смятении рассказывали о ярости русских гвардейцев.

Вот и Неман. Последняя широкая река на пути к Германии. Крутые лесистые берега. Корни деревьев свешиваются над водой. Шумит вода по кремнистому дну, бурлит, натыкаясь на валуны. Зловещие воронки обозначают многочисленные омуты. Все тихо кругом.

На том берегу — ни души. Немцы, видно, не ожидали так скоро выхода нашей пехоты на Неман.

Началась переправа. Старшина Ефанов первый переплыл через реку с тросом в руках. Он обмотал конец троса вокруг дерева, натянул его, как струну, и сейчас же почувствовал, что трос начал дрожать, — значит, пошли наши, перебирают руками!

Вскоре на берег начали вылезать боец за бойцом.

Переправился со своим «максимом» пулеметчик Наумов. Переправились бронебойщики.

«Ну, теперь сам черт нам не страшен!» подумал было Ефанов, и в это время по берегу и по реке ударили немецкие пули, как косой дождь, прорвавшийся из грозовой тучи.

— Вперед! — скомандовал старшина.

Бой за плацдарм начался.

На батальон двинулись в полный рост плотные шеренги немцев, с какими-то громадными винтовками. Немцы были высокие, толстые; шли они с засученными рукавами.

— Психическая атака в сорок четвертом году? Ну-ну, идите, бычки на веревочке! — проговорил Наумов, наводя дуло «максима» на эту замечательную цель.

Как только грянул залп автоматов и заговорил пулемет, немецкие ряды повалились. Уцелевшие фашисты бросились обратно. На поле боя осталось триста трупов. С удивлением разглядывали гвардейцы здоровенных толстых пруссаков, с какими-то невиданными значками и погонами, неуклюжие французские винтовки «гра», сохранившиеся еще от войны 1914 года.

— Кто такие? — спросили дрожащих от страха пленных.

— Мы — полицейские, — бормотали эти вояки. — Нам сказали, что вы партизаны и при виде нас разбегитесь... Оставьте нам жизнь — мы отцы семейств...

После этой встречи в роте говорили:

— Куда же девались сынки из семьдесят восьмой штурмовой дивизии? Вот уж до стцов добрались, а тех все нет.

Вопрос разрешила очередная сводка Советского информбюро. Агитатор полка привез ее и прочитал:

«Восточнее города Минск наши войска продолжали операцию по ликвидации окруженных частей противника. За день боя уничтожено до 4 000 немецких солдат и офицеров и взято в плен более 3 000 человек. В числе пленных командир 78-й штурмовой дивизии немцев генерал-лейтенант Траут».

— Вот он где попался!

— Смотри, куда от нас убежал!

— Боялись, бандиты, нашей мести за Юрия Смирнова!

Настал день, когда после многотрудного похода бойцы 1-й роты увидели в туманной дымке за холмами островерхие крыши немецкого пограничного городка.

И здесь бойцы оглянулись на пройденный путь и сами подивились тому, что свершили за время похода.

Рота прошла с боями более пятисот километров, участвовала в прорыве трех укрепленных рубежей, в одиннадцати боях и во множестве стычек. За это время бойцы уничтожили до двухсот немецких солдат и офицеров, захватили шестьдесят семь пленных, тридцать пять повозок, семьдесят лошадей, один эшелон, до сорока автомашин и батарею дальнобойных орудий.

Они форсировали Березину и Неман первыми в своем полку. Первыми вышли и на подступы к немецкой границе. Все бойцы, участвовавшие в этом походе, были награждены медалями и орденами.

Здесь товарищи Юрия Смирнова написали письмо его матери, Марии Федоровне, в котором рассказывали о том, как они мстили за гибель ее сына, героя и мученика Великой отечественной войны советского народа против немецких захватчиков.

И когда был получен долгожданный приказ, рота первой шагнула на проклятую землю Германии. Солдаты-мстители прославляют новыми подвигами знамена гвардии в жестоких боях в Восточной Пруссии.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Просим дать отзыв о содержании книги и ее оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать сбор читательских отзывов на эту книгу.

Весь материал направляйте по адресу: Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во «Молодая гвардия».

Отв. редактор Б. Евгеньев.

Подписано к печати 7/II 1945 г. А14734. 1 печ. л. 1,5 уч.-изд. л. 59 000 зн. в печ. л.
Тираж 45 000. Заказ 2300. Цена 1 руб.

Ф-ка юн. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Цена 1 руб.

